

ЗВЕЗДА РУНЕТА

АННА ДЖЕЙН

БЕЛЫЕ
ИСКРЫ СНЕГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д40

Джейн, Анна.

Д40 Белые искры снега / Анна Джейн. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 704 с. — (*Звезда Рунета*).

ISBN 978-5-17-094669-3.

Быть может, они были предназначены друг другу... И даже встречались в прошлой жизни. Но в этой они — полные противоположности и терпеть один другого не могут! Настя — самостоятельная, гордая и яркая девушка, привыкшая не опускать руки перед трудностями. Ярослав — утонченный эгоист, мальчик с комплексом принца, живущий комфортной жизнью. И между ними целая пропасть взаимной неприязни. Отчего они так часто встречаются? Сможет ли призрак загадочной девушки связать их судьбы? И что за таинственный Орден магов-адрианитов незримо играет с их жизнями? Магия ближе, чем думали эти двое. И искрится, как снег под светом фонаря морозной ночью...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094669-3.

© Анна Джейн, текст
© ООО «Издательство АСТ»

*Все герои и события вымышлены,
совпадения — чистой воды случайность.*

Как бы ты ни бегал от меня, я все равно тебя найду.
Твоя судьба, с любовью

Музыкой этого пространства была тишина.
Цветом — космический оттенок беспечного бежевого.
Запахом — пролитое кем-то на снег ванильное молоко
мороза.

А границ... границ тут не было вовсе. Хотя, возможно, их просто не было видно. Только летала, рассекая замершее пространство, пьянящая свобода.

Огромное пространство без горизонта. Без времени. Без суеты. Тут было, где расправить крылья — бесконечная сверкающая даль так и манила опробовать ее, обещая захватывающий дух полет.

Только те, у кого трепетали крылья за спиной, тут не летали.

А те, кто ими не обладал, тем более не задерживались надолго. Да и что им было делать на осколках миллионов тонких зеркал, беспечно, словно облака, плывущих в разные стороны, одновременно и хаотично, и упорядоченно? Плыть вместе с ними в неизвестность? Играть с лучами потерянного слепящего солнца? Стать его бликом и затеряться среди отражений?

И все же на одном из осколков с потекшими краями стояли две неясные фигуры, скрытые витающим тут же туманом, какие бывают у водопадов. Казалось, силуэты их сами сотканы из застывшего тумана — только более плотного, ослепительно-белого.

Крыльев у них не было.

Они разговаривали — смиренно, с затаенной болью, но с нежностью и непонятной надеждой, и неясно было, то ли только они слышат друг друга, то ли все это зеркально-свободное пространство стало свидетелем их мучительно короткой беседы.

— Я найду тебя, чего бы мне это ни стоило. — Слова вырывались легкой дымкой, оседающей на соседних зеркальных осколках.

— А что если мы не узнаем друг друга?

— Не беспокойся. Я узнаю тебя.

— Страшно...

— Просто поверь. Ты ведь веришь мне?

— Я верю тебе. И обязательно узнаю.

— Да. Мы узнаем. Ну же, улыбнись. Я запомню эту улыбку.

Их пальцы соприкоснулись, и легкий болезненный ток пробежал по телам, а волосы взметнулись.

— Мне не хочется отпускать тебя. — Каждое слово им обоим давалось с трудом.

— Придется. Ты же знаешь...

Бескрылые приблизились друг ко другу, словно готовы были обняться, но не осмелились сделать этого. Где-то раздался молот грома приближающейся грозы, и оба они вздрогнули.

— Что ж, мне пора, я пойду чуть раньше.

— Иди... А я — за тобой.

— Приходи быстрее. Хорошо?

— Хорошо... Эй, дождись меня! Слышишь? Мы все делаем по-другому!

— Я знаю. И я люблю тебя.

Сомкнутые ресницы, затаившиеся в уголках глаз с трудом сдерживаемые слезы отчаяния, шаг вперед, в пустоту, и сверкнула яркая искра — капля жидкого огня, устремившаяся вниз.

Никто не издал ни звука, но, казалось, зябкую тишину разорвал крик отчаяния.

На осколке зеркала осталась лишь одна фигура, обхватившая себя руками и склонившая голову вниз, съежившаяся на несуществующем ветру. И ответом ей была лишь гулкая тишина, переполненная пьянящим спокойствием. Гро-

за миновала. Лишь слышно было, как мягкие перья снега касаются вершин сияющих далеко внизу гор.

— Холодно без тебя, — тихий прерывистый шепот заставил зеркало покрыться рябящим инеем. — Пусть тебе будет тепло, ладно?

Оставшийся среди зеркально-облачного безмолвия обнял себя за плечи.

— И я тебя люблю. Раз, два, — вдруг начал медленно считать он, — три...

На счет «три» вниз устремилась еще одна искра — стремительная, быстрая, похожая на вспышку северного сияния.

«Я найду тебя».

«Я верю тебе».

Движением этого странного места была сломанная стрела времени.

Символом — круг с пустотой в середине.

Тайной — сама жизнь.

«Чего бы мне это ни стоило... не хочется отпустить... все сделаем по-другому...» — выводилось невидимым пальцем на запотевших зеркальных осколках, которых коснулся дым слов.

* * *

Я не знаю, почему это случилось с нами — наверное, так было кем-то задумано свыше. И этот «кто-то» наверняка большой хохмач и шутник. Безумный экспериментатор с извращенным чувством юмора. Гений, который вкусил сразу два запретных плода — злодейства и глумления.

До сих пор не верится, что это произошло.

Как, как подобное могло случиться с нами, детьми современной эпохи техники, электричества и всемогущего Интернета? Может быть, я сошла с ума и выдумала все это? Может быть, меня посещают изощренные галлюцинации? Может быть, я и правда ненормальная? Хотя, кажется, нет — тихое глубокое дыхание крепко спящего на кровати рядом со мной человека, эгоистично завернувшегося в одеяло, говорит о том, что происходящее — реальность. Наша общая с ним реальность.

Я, сидя на широком подоконнике около приоткрытого окна, за которым царила тихая ночь, подтянула к себе чуть заостренные колени длинных ног, обтянутых джин-

совой тканью, и бессильно уронила на них бледные руки с выступающими венами. Осенью, весной, а зимой особенно кожа на этих руках была благородно белоснежная, как у аристократов прошлых веков, а серебристый свет луны делал ее почти бескровной, как у мистического создания.

Пока никто не видит — можно позволить себе быть бессильной.

Подняв голову, я несколько раз осторожно провела кончиками пальцев по этой бледной руке, от широкого запястья до локтя и обратно, касаясь чуть выпирающих вен — их замысловатый естественный рисунок хорошо был виден под этой бледной кожей.

И это моя рука.

На лице появилась вдруг вымученная улыбка, скорее, думаю, больше похожая на гримасу отчаяния. И я уставилась в окно. Какая-то звезда подмигнула мне с неба.

Интересно, надолго ли это? Или — тут у меня замерло сердце — навсегда? Нет, этого не может быть. Навсегда — это не вариант. Навсегда — это как приговор, а я не согласна с ним! Я найду способ вернуть все на свои места. Верну и точка.

Я нервно тряхнула головой, почувствовав вдруг непреодолимое желание закурить. Чертов дурак, это из-за него так хочется попортить легкие табаком! Раньше у меня никогда не возникало такого желания. Я вообще отношусь к людям, которые хоть и не ведут здоровый образ жизни, но не злоупотребляют сигаретами и алкоголем, не говоря уж о куда более вредных веществах. А он...

Я перевела взгляд на человека, лежащего на кровати — в это время он перевернулся с правого бока на спину, еще больше закутавшись в одеяло — и мое сердце наполнилось нежностью, такой, что я даже на время забыла о том, что хочу курить. Правда, вместе с нежностью ко мне пришли злость, обида, раздражение и еще много других не самых приятных чувств.

Все случилось из-за него, того, кто даже в такой ситуации умудряется спокойненько спать, тогда как я мучаюсь от бессонницы, не зная, что делать.

Мои глаза уже со злостью глянули на длинные золотисторусые прямые волосы, разметавшиеся по подушке — лицо

наполовину было скрыто одеялом. Разлегся тут, спит, как будто бы все хорошо.

Он вновь перевернулся на бок, уже на левый, запутавшись в одеяле, как бабочка в сетях паука. При этом одеяло умудрилось сползти с ног, сбившись в районе груди, и я точно отчего-то знала, что в ту же секунду на икрах появились мурашки.

А так ли спокойно этот человек спит, как я думаю, вдруг возникла у меня в голове неожиданная мысль. Я с неохотой слезла с облюбованного мною подоконника, неслышно подошла к кровати, замерла и стала слушать дыхание. Вроде бы спокойное, мерное. Значит, не снятся очередные кошмары. И слава богу.

Я поправила одеяло, осторожно прикрыла обнаженные изящные ноги и устроилась рядом, на краешке кровати, глядя на того, с кем так крепко была повязана — куда там узам брака или даже родственным связям!

Можно смело сказать, что мы были одним целым.

Он что-то пробормотал во сне, дернулся, и я взяла его руку в свою, чтобы успокоить.

Этот благословенный незнамо кем отрок ночи родился в тот же день, что и я — пятого декабря, только вот ровно на три года позже. Представляете мое искреннее удивление, когда я узнала об этом? Ведь, несмотря на то, что родились мы в один день, мы — совершенно непохожие, я бы даже сказала, диаметрально противоположные люди с совершенно разными системами ценностей. Знаете, как свет и тьма. Я, конечно же, в роли света, а он — в роли тьмы. Нет, естественно, я не могу назвать себя воплощением вселенской добродетели, но по сравнению с ним, мистером Я-само-совершенство-преклоните-предо-мною-свои-никчемные-колени, я — воистину ангел. Может быть, поэтому мы так крепко невзлюбили друг друга при первой встрече?

Нет, серьезно, он скверный парень. Есть в нем что-то непролазно темное, колдовское. И даже его обаяние больше похоже не на приятное очарование, когда тихо и незаметно влюбляешься, чувствуя теплоту в груди, а на хлесткий удар плетью прямо по сердцу — когда тебя заставляют чувствовать симпатию против своей воли, даже если ты совсем этого не хочешь. Он отлично умеет манипулировать людьми, но даже, кажется, не осознает это.

Почему он такой? Не знаю.

То ли год, в котором он имел честь появиться на свет, был плохим, то ли переданные от родителей гены подкачали, то ли акушеры умудрились повредить ему и без того стукнутую головушку, то ли это было связано с какими-то другими факторами, но характером этот человек не вышел совершенно. Самоуверенность, надменность, коварство, стремление быть самым главным, лучшим и всех нагибать причудливо сочетались с... Думаете, я перечислю какие-то хорошие качества вроде смелости, дерзости, остроты ума и всего остального, что часто имеет место быть в людях с лидерскими наклонностями? Увы, этот парень не обладал ничем из вышеперечисленного. Он всегда только притворялся хорошим, и люди ему верили. Все считали его ангелом, а он делал все возможное, чтобы поддержать свой ангельский имидж.

С уверенностью могу сказать, что он не дружит с головой, а голова, будучи такой же мстительной, как и он сам, отвечает ему тем же — с гордостью отказывается работать и устраивает многодневные забастовки, перекладывая всю ответственность за мыслительную деятельность на спинной мозг. Тот, не слишком работоспособный, простоватый, но расчетливый и хитрющий, как последняя лиса, отдает бразды правления этой, безусловно, важной частью жизнедеятельности, мозгу костному, настолько аморфному и ко всему безразличному, что вы сами понимаете, насколько в конечном итоге умен был этот несчастный человек. Хотя почему же несчастный? Таковым он никогда не был, и никто бы не возжелал назвать его несчастным — если только за глаза, шепотом и в полутьме, ибо говорить, что он несчастный — грех.

Жизнь дала ему все. Нет, не все, конечно, но очень многое: крепкое здоровье и эффектную внешность, любящих родных и верных друзей, достаточно высокий интеллект (не путайте его умственные способности с дурью, засевавшей в голове) и творческие успехи, хорошее материальное обеспечение и возможность без особых хлопот получать желаемое, интерес противоположного пола и уважение окружающих, подававшихся его обаянию и считающих его, как я говорила, ангелом.

Ведь он даже внешне чем-то похож на ангела. Издали кажется кем-то вроде без пяти минут совершенства: аки мо-

дель, он достаточно высок и пропорционален — разве только ноги несколько длиннее, чем нужно, от чего его внешность только выигрывает. Довольно гибок, строен, но не кажется худым — спорт наш мальчик не любит, хотя заставляет им себя заниматься. Он подтянут и крепок в плечах, имеет вполне себе развитую мускулатуру, хотя иногда кажется неприлично хрупким — когда захочет, естественно. Этот парень вообще хороший актер, и каждый видит его совершенно по-разному, как захочется ему самому. Я бы обязательно купилась на его актерскую игру в ангела с одуванчиком в волосах, если бы волею случая не поняла, какой он монстр на самом деле. Может быть, поэтому он меня и не влюбил? Играть передо мной не было смысла, я видела его с самой плохой стороны, которую он так отчаянно, почти героически, но надо признать, удачно скрывал.

Что ж, продолжим разговор о внешности — об одном из немногих его неоспоримых плюсов. Говорят, глаза — зеркала души, и поэтому пару слов нужно сказать о них. Глаза его воистину ведьмовские — зеленые. Не то чтобы особенно яркие, но выделяющиеся на лице. Скорее, светлые, чем темные, с каким-то мятным оттенком, слегка смешанные с серебром у зрачка и с темной тонкой каемкой вокруг больших радужек. Его взгляд покажется вам воздушным и нежным, с едва заметной грустинкой, но вы не должны верить его глазам, потому что никакие они у него не зеркала души. Зеленые глаза этого клоуна лишь инструмент его манипуляций над окружающими — то добрые, то хитрые, то печальные, то смеющиеся. Выражают полный спектр эмоций.

Если разобрались с глазами, перейдем к чертам лица. Наверное, вы уже догадываетесь, что его личико почти без изъянов — правильное, чуть продолговатое и несколько сужающееся книзу, с едва заметной ямочкой на подбородке, яркими губами, нижняя из которых полнее верхней, благородными ровными скулами, высоким чистым лбом и нервным, чуть выпирающим кадыком на шее. Из отличительных знаков — тонкий, в несколько сантиметров длиной шрам на вершине правой скулы. Шрам небольшой, но заметный, однако не портящий внешность, а, напротив, придающий ей некий мужественный шарм.

И волосы у него — любая девочка позавидует: здоровые, блестящие, неломкие и чуть-чуть волнистые. Наверное, по-

этому прическа у этого гуся удлиненная — выполнена слоями. Верхние пряди заканчиваются на уровне ушей, нижние почти касаются плеч. Его только из-за причесочки можно принять за мажора. А впрочем, он и есть мажор. Голос, кстати, у мальчика тоже под стать — не слишком громкий, плавный, уверенный, чуть-чуть иронический и очень приятный, даже когда он нашептывает гадости.

И никакой печати порока в его внешности — может быть, только самые искушенные в человеческих характерах увидят его на дне светло-зеленых глаз.

С внешностью мы немного разобрались, поэтому можно перейти к характеру. О нем, впрочем, я уже говорила. Этот парень несносен: он капризный, очень нервный, хитрый, наглый, самоуверенный, гордый дурак, который всегда хочет быть во всем первым. Однако он почти всегда притворяется — и вполне успешно! — милым, самоотверженным человеком с золотым, невероятно большим сердцем, которое того и гляди сейчас начнет выпирать из груди. Его считают творческой личностью, хорошо разбирающимся в искусстве (ведь он еще и художник!), и неформальным лидером, который может вести к победе. И они за ним идут, да. На него надеются и доверяют. Считают, что он умен и интересен.

Мало кто знает, какой этот зеленоглазый парень настоящий. Лишь самый близкий круг общения. И, к сожалению, я вхожу в этот круг — против своей же воли. Увы мне, бедной.

Что же касается его семьи и материального положения — и здесь жизнь его не обделила. Довольно успешные родители, два старших брата, друзья, прекрасный дом, материальные блага, хорошая и стильная одежда, возможность путешествовать и покупать почти все, что захочет юноша в его возрасте — все это тоже у него было.

Ну как, можно ли назвать этого человека несчастным? Конечно же, нет. Возможно, вы даже позавидуете ему и захотите жить его же собственной жизнью.

И будьте уверены, если вы скажете нашему мальчику, что он несчастен, он рассмеется вам прямо в лицо. Негромко рассмеется, даже мягко, но со вкусом, как смеются над плохой шуткой те, кто знает толк в юморе, не желая обидеть весельчака-дурака, или же одними уголками тонких губ улыбнется — мягко, успокаивающе, как сумасшедшему,

а в душе обзовет парой-тройкой непристойных слов и пошлет по матушке в самые глухие дали планеты.

Наверное, у вас возникает вполне логичный вопрос — зачем же я столько говорю о таком нехорошем и во многом смысле недостойном человеке? Ведь если он мне так сильно не нравится, не нужно обращать на него столько внимания. Да, вы будете правы, но есть кое-что, что заставляет меня постоянно думать и говорить об этой малявке — я все-таки на три года старше, что меня жутко радует! И это «кое-что» мне сильно не нравится — ведь избавиться я от этого не могу, сколько бы ни пыталась.

Вы хотите знать, что это? Даже если не хотите, я все равно скажу вам об этом.

Он заставил меня кое-что сделать. Кое-что, о чем я жалею. Очень жалею. До боли в груди.

Он заставил меня влюбиться. Влюбиться в того, кто тебя раздражает, бесит и вообще вызывает один лишь негатив. Только подумайте — влю-бить-ся! Даже звучит отвратительно.

Он заставил меня влюбиться *в себя*.

И я люблю и ненавижу одновременно. И эти чувства так сильны, что порой мне кажется, что меня разрывает на части. Знаете, как это тяжело? Нет, вы даже не догадываетесь. Ведь перед тем, как прийти к такому ошеломительному выводу — к тому, что я влюблена, мои душа и тело пострадали от него очень сильно. Да-да, вы не ослышались: тело — тоже пострадало. Нет, он не бил меня, даже пальцем не прикоснулся — девушек он не трогает, играет в благородство. И не приставал — в этом плане он тоже весьма щепетилен.

Этот лже-ангел сделал кое-что другое.

Едва я подумала об этом, курить резко захотелось еще сильнее — даже легкие болезненно сжались. Я все так же неслышно встала с кровати и направилась к двери, чтобы оказаться на кухне — но не затем, чтобы найти сигареты (их я благополучно выбросила, от греха подальше), а чтобы попить холодной воды и хоть как-то успокоиться. Не доходя до двери, я вдруг, сама не зная почему, остановилась около огромного, во весь рост, зеркала. Лунного света, проникающего сквозь окно, и ночного сияния спящего города мне хватило для того, чтобы разглядеть свое отражение. Холод-

ная внешность, высокий рост, длинные ноги, стройная фигура с подтянутым животом и уверенным разворотом плеч, всегда привыкших быть прямыми и расправленными, русые волосы с пепельным холодным оттенком — удлинённые и растрепанные, светло-зелёные глаза с темной каемочкой по краю радужек, правильное холеное лицо почти без изъянов — красивое и аккуратное, шрам на скуле, который никогда и никем не считался недостатком...

Из зеркала на меня смотрел тот самый человек, которого я только что так ругала, которого любила и одновременно терпеть не могла.

Я вымученно улыбнулась сухими губами — улыбка вышла какой-то изломанной, ненастоящей, и коснулась указательным пальцем ямочки на подбородке — черт возьми, все-таки это лицо очень красиво. И даже начавшая пробиваться щетина не портит его. Его... не мое лицо.

Не выдержав, я вдруг закрыла лицо ладонями — большими, с выпирающими костяшками и длинными пальцами, которыми можно было охватить куда больше клавиш на фортепиано, чем это удавалось мне раньше. Правда, почти тут же я отняла руки от лица — в тот миг мне показалось, что я прикоснулась к его лицу своими ладонями. Я никогда бы не дотронулась до его лица.

В прошлой жизни не дотронулась бы — так вернее.

Я тяжело вздохнула, и в светло-зелёных глазах появились слезы.

Да, этот парень сделал кое-что другое.

То, что мы оба храним в тайне, иначе нам обоим не поздоровится.

Он просто случайно оказался в моем теле. А я — в его.

Наверное, не зря мы родились в один и тот же день — только с разницей в три года. И не случайно мы так часто сталкивались на протяжении последних лет. Ведь случайностей не бывает, верно?

Я еще раз глянула на него — или на себя? — в зеркало и, опустив голову, ушла на кухню. А там, устроившись за столом с кружкой холодной воды, незаметно уснула.

Ночью мне снилось, что я курю, облачившись в свое любимое платье.

Я так крепко спала, что даже не заметила, как меня укрыли пледом, чтобы я не мерзла.

Два года назад

Я всегда, сколько себя помню, а помню я себя лет с трех или четырех, очень любила свой день рождения, и ждала пятое декабря, на которое он пришелся, с нетерпением и замиранием сердца.

В детстве и в раннем подростковом возрасте мне казалось, что этот праздник не просто привнесет в мою жизнь, не самую, если честно, простую, нотку радости и тепла, но и подарит чудо — как в романтическом фильме про современную Золушку. И тогда в моей жизни что-то обязательно изменится, что-то важное и безумно мне нужное. Что-то, что сделает меня другой.

Я, правда, никогда не подозревала, насколько другой. А если бы подозревала, сразу уехала бы жить в горы, в гордое отшельничество, дав пару-тройку обетов. Например, никогда не разговаривать с зеленоглазыми красавчиками и кидаться в них солью всякий раз, когда вижу. Или поливать святой водой. Из шланга. А потом бежать и бежать... Впрочем, обо всем по-порядку.

Когда я перешагнула отметку тринадцатилетия, мои взгляды на мир стали взрослее, наивность пропала, и я уже больше не мечтала о чудесах, вернее, мечтала, но уже не верила, что они могут реально произойти. Глупость же ведь, правда? Однако день рождения я любить не переставала и все равно с нетерпением ждала его — как, впрочем, и Новый год, и Рождество, и дни рождения нескольких близких мне людей. Не знаю почему, но мне всегда очень нравились праздники. Я, с виду часто не очень-то уж эмоциональная, но всегда горящая внутри, буквально заряжалась энергетикой и суетливой взбалмошной радостью праздновавших что-либо людей.

А уж как мне нравилось смотреть на свадьбы, в глубине души сожалея, что пока я не побывала ни на одной из них. Глядя на радостные смеющиеся лица людей — не только на праздниках, конечно, я сама немного становилась увереннее в себе, почему-то четко понимая: раз они смогли стать счастливыми, то и у меня это тоже получится. Раз они чего-то добились, то и я ничем не хуже — добьюсь тоже. Личный пример других становился моим стимулом.

Однако за время учебы в университете я, видимо, повзрослела еще сильнее — и хотя свой персональный праздник

я ждала все с таким же оптимизмом, нет-нет, но появлялись в моей голове неконтролируемые мысли о том, что часы идут за часами, дни за днями, года за годами, люди меняются, чего-то добиваются, путешествуют, находят вторых половинок и даже обзаводятся детьми, а я словно топчусь на одном месте. Вместо того, чтобы оказаться на середине пути, я сделала лишь пару несмелых шагов по дороге, ведущей к замку моих самых главных жизненных целей, которых было не так-то много: стать отличным журналистом-профессионалом и найти того самого человека, от которого свеча в душе будет уверенно гореть всем ветрам назло.

Иногда я все так же изредка мечтала о чуде, но уже точно, на сто процентов, знала, что его со мной не случится. Лишь я — кузнец своей собственной жизни и никто более. А чудес не бывает, к сожалению. Бывают удачи и неудачи, слабость и сила, упрямство и опущенные руки.

Но я зря так думала, чудеса — и добрые, и злые, и необычные, и дурные бывают — жизнь сама мне доказала это. Она прямо-таки поставила меня перед фактом, ухмыляясь в накладные усы. «Хотела — получи и распишись, детка», — как будто бы говорила она мне.

В детстве я так искренне грезилась о чуде, чуде, которое изменит мою жизнь, что оно возьми да и приди ко мне. Нежданно-негаданно, уверенно, вразвалочку, как будто местный крутой гопник к сжавшемуся ботанику-старшекласснику с просьбой позвонить по новенькому айфону. Я не знаю, что это было — чье-то безумное волшебство, феерия сумасшедшей магии, в которую я никогда не верила и о которой только с удовольствием читала в книгах, промыслы высших сил... Но я знаю, что это дурацкое чудо стало моим персональным подарком. Ошеломляющим подарком. Я бы даже сказала, очень злым ошеломляющим подарком на день рождения.

Да, все началось именно в тот день, когда я родилась — пятого декабря, в субботу, когда мне, студентке последнего курса филфака, исполнялось ровно двадцать один год. Можно даже сказать, что это был первый, подготовительный этап событий, которым суждено было случиться еще через два года.

Почему все началось в тот день? Да потому что я впервые встретила нашего прелестного мальчику с замашками

принца и комплексом переполющенности себя — ну, знаете комплекс неполноценности? У него был такой же, только с точностью до наоборот. В общем, именно пятого декабря, в наш общий праздник, мы и имели честь познакомиться друг с другом. Это было что-то вроде неофициальной встречи, вроде той, когда президенты встречаются «без галстуков», за чашечкой кофе, потому что официально мы с ним познакомились несколько позже. И я скажу, достаточно эффектно. По крайней мере, для меня.

Правда, потом оказалось, это была далеко не первая наша встреча, но прошлых я совершенно не помнила, как, впрочем, и он.

Утро моего личного праздника началось очень даже хорошо: я проснулась в отличном настроении, и хотя спала всего несколько часов, полночи просидев в Интернете и занимаясь всякой ерундой, чувствовала себя бодрой. Сложнейшая сессия осталась позади — я закрыла ее на «отлично», и теперь у меня был интеллектуальный отходняк, когда хотелось заниматься всяческими глупостями. Разбудил меня, конечно же, телефон — лучшая подруга решила поздравить меня одной из первых, и больше я не заснула, отвечая на звонки друзей и сообщения знакомых на своей страничке в самой популярной социальной сети. Настроение было легкое и волшебное.

А на кухне меня дождался подарок от моего друга и соседа, вместе с которым мы уже два года снимаем эту квартиру вместе. На столе стояла стройная хрупкая ваза с букетом белых роз без обертки, а под ними горделиво возвышалась большая тщательно запакованная круглая коробочка с огромным красным бантом. Я не без труда распаковала подарок и обнаружила в коробке кучу всяких классных фирменных штучек для тела с ароматом моей любимой ванили — гель, скраб, несколько видов здорово пахнущего мыла, пену для ванны, крема. Рядом лежала и записка, сложенная в четыре раза, которую я тут же схватила, не переставая улыбаться.

«Ваниль — это совсем не модно, терпеть ее не могу, но что не сделаешь ради тебя, дорогая? С днем рождения, Наська!» — было написано черной гелевой ручкой в записке. Мелкий, с острым росчерком и угловатыми формами почерк Даниила я всегда узнаю. Он все-таки моло-